

ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ ДЛЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

M.P. Makarova

THE MEANING OF CONCEPTUAL METHODOLOGY FOR THE CULTUROLOGICAL KNOWLEDGE

Contents and applied meaning of such methodological phenomenon as conceptual methodology is considered in the article. The analysis is conducted on the base of the article of the famous scientist M. Ya. Danilevski «Russian and Europe». The following findings are picked out as principles of the conceptual methodology – constructive and prognosis, hermeneutics and etc.

XX в. многие философы и представители частных наук называют «золотым веком» методологии. И это не случайно. Все более возрастающая сумма знаний потребовала не только его осмысления как результатов познания, но и направила внимание ученых на проблему его получения, на методы научного познания. В связи с этим привлекло к себе пристальное внимание одно из наиболее очевидных и наименее исследованных явлений в духовной жизни общества – концептуализация мышления, возрастание роли концепций во всех видах духовно-творческой деятельности – будь то фундаментальная или прикладная наука, искусство во всем многообразии видов и жанров, сокровенный мир становления нравственного самосознания.

Обозначив, таким образом, тему, выделим один из ее основных аспектов – гносеологический, т.е. принципиальную доступность процесса концептуализации мышления для методологической рефлексии.

В науке и методологии науки, как правило, под концепцией подразумевается, во-первых, почти все, что указывает на конструктивную функцию мышления: процесс создания теоретических «конструкторов», этапы этого процесса и его продукты; специфические методологические регулятивы, их применение и результаты; во-вторых, сами эти исходные установки, принципы, инвариантные характеристики теоретических конструкций, развивающие руководящую идею исследования и т.п.; В-третьих, то, что можно назвать «авторским лицом» конкретного научного исследования – наличие индивидуальных способов теоретического анализа и конструирования, индивидуального стиля мышления, неповторимость личного опыта [1. – С. 74-89].

Становление и развитие культурологии потребовало более адекватных форм концептуализации рефлексии сознания, посредством которых можно было заглянуть в «мыслительную работу» культуролога, объективировать его личностный опыт. На наш взгляд, подобным средством может выступать такая теоретическая конструкция, как концептуальная методология. Концептуальная методология включает в себя две основные формы систематизации методологического мышления – общефилософские принципы, взятые в методологическом аспекте, общеметодологические принципы, а также методологические установки или кратко: принципы и установки.

В качестве резюме отметим, что концептуальная методология включает две части: 1) совокупность мировоззренческих и методологических принципов и 2) конструктивную методологию, куда входят методологические установки, мотивы, т.е. принципы и установки концептуальной методологии. Это выявляется в непосредственном анализе конкретных научных работ. В данном случае обратимся к работе Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Большая часть работы в этом отношении уже проделана его другом и издателем Н. Страховым в конце XIX в.

Анализ работы Н.Я. Данилевского, проделанный Н. Страховым, позволяет обратить внимание на следующее положение, отмеченное Н. Страховым: «Да и вся теория Н.Я. Данилевского может быть рассматриваемая как некоторая попытка объяснить положение славянского мира в истории, – эту загадку, аномалию, эпизикл для всякого европейского историка. В силу того исключительного положения среди других народов, которому в истории нет вполне равного примера, славянам суждено изменить укоренившиеся в Европе взгляды на науку истории, взгляды, под которые никак не может подойти славянский мир» [2. – С. 513]. Тем самым эксплицируется герменевтический принцип методологии Н.Я. Данилевского, используемый в содержании его работы.

В работе Н.Я. Данилевского Н. Страхов выделяет принцип национальной толерантности. Вот как этот факт он описывает: «В одном только пункте мне хотелось бы прибавить новые пояснения, хотя и прежних достаточно для внимательных читателей. Г.Соловьев не верит моему изложению, по которому теория культурно-исторических типов имеет мирный характер, отмечается духов славянской терпимости, ибо, по этой теории, могут одновременно существовать и развиваться несколько таких типов; так было прежде, так есть теперь, и в будущем нет для этого никакой невозможности» [2. – С. 527].

Далее в тексте работы Данилевского легко вычленивается содержание принципа единой мировой демократии как отрицаемого многополярного мира. В самом деле, «Н.Я. Данилевский даже прямо, как на одно из сильных и ясных доказательств своей теории, указывает на то, что в силу ее невозможна какая-нибудь единая всесовершенная цивилизация для всей земли (Россия и Европа, стр. 123) и устраняется всякая мысль о мировладычестве (стр. 463-465). У него нельзя найти даже таких предположения, как, например, у Ренана,

который считал очень вероятным, что славяне завоюют Европу (См. «Борьба с Западом, кн. I. – С. 387) [Сиб., 1988]» [2. – С. 529].

Н. Страхов обращает на такое принципиальное положение в его работе: «Итак, у Н.Я. Данилевского и источник другой, и главный вывод не похож на славянофильский. Н.Я. Данилевский не держится германской философии, не стоит к ней даже в тех очень свободных отношениях, в которых стоят славянофилы. Следовательно, в известном смысле он самостоятельнее. Его философию можно бы сблизить с духом естественных наук, например с взглядами и приемами Кювье; но этот общий научный дух не может быть считаем каким-то особым учением» [2. – С. 514]. Таким образом, обращение к книге Н.Я. Данилевского позволило выделить следующие мировоззренческие и методологические принципы – герменевтический принцип, принцип национальной толерантности, а также систематический принцип. Не менее важным является то, что можно охарактеризовать прогностический и конструктивный принципы в работе автора. «Неверующие в самобытность славянской культуры возражают против нее вопросом: «В чем же именно будет состоять эта новая цивилизация, каков будет характер ее науки, ее искусства, ее гражданского и общественного строя?». «В такой форме, замечает Н.Я. Данилевский, – требование это нелепо, ибо удовлетворительный ответ, ответ на него сделал бы самое развитие этой цивилизации совершенно излишним» [2. – С. 531].

По мысли Н. Страхова, «он берется отвечать лишь «в общих чертах», да и тут принимает меры, как бы «не впасть в совершенно бессодержательные мечтания» (С. 515). И, наконец, когда он, посредством остроумных соображений, дошел до формулы, что славянский тип, может быть, будет четырех основных, он заключает свои рассуждения так: «Осуществится ли эта надежда, зависит в полнее от воспитательного влияния готовящихся собой, разумеемых под общим именем восточного вопроса, который составляет узел и жизненный центр будущих судеб Славянства (С. 556)» [2. – С. 531].

Конструктивный принцип в культурологическом концепте Н.Я. Данилевского выражается в конструировании данного культурно-исторического типа на основе исходного метода, вскрытых им пяти законов развития этого явления. В содержание исторических организмов или культурно-исторических типов автор включает самостоятельные, своеобразные планы религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития [2. – С. 85]. На основании введения КИТа – положительного деятеля в истории автор выделяет народы, которые играют иные роли в истории. «Итак, или положительная деятельность самобытного культурно-исторического типа, или разрушительная деятельность так называемых бигей Божьих, предающих смерти дряхлые (томящие в агонии) цивилизации, или служение чужим целям в качестве этнографического материала – вот три роли, которые могут выпасть на долю народа» [2. – С. 90].

Выявление методологических принципов в научном культурологическом исследовании является неполным, если не эксплицировать методологические установки такого исследования.

Интерпретация методологической установки, заключается в том, что сутью выступают не сами методы научного познания, не содержание знания, а механизм превращения их во внутренние основания деятельности ученого – убеждение, вера, мотив. В культурологическом исследовании они выступают его необходимыми элементами. Это наглядно видно опять же на примере культурологического знания, на примере книги Н.Я. Данилевского. «С появлением этой книги уже нельзя говорить, что мысли о своеобразии славянского племени, о Европе, как о мире нам чуждом, о задачах и будущем России и т.д., что эти мысли существуют в виде журнальных толков, намеков, мечтаний, фраз, аллегорий; нет, славянофильство теперь существует в форме строгой, ясной, определенной, в такой точной и связной форме, в какой едва ли существует у нас какое-нибудь другое учение» [2. – С. 511]. Эту установку можно назвать славянофильской в определенной степени, но не полностью таковой. По этому поводу автор уточняет. «Но иное дело – стремиться, повинаясь какому-то инстинкту, и иное дело – возвести эти стремления в сознательные взгляды, и согласовать их с нашими общими и высшими началами». И вот где существенное отличие Н.Я. Данилевского. Если всякий мужик есть, в сущности, славянофил, если самые ярые западники иногда говорят заодно с мужиками, если, наконец, прежние славянофилы верно поняли не только интересы, но и самый дух своего народа, то Данилевский есть именно тот писатель, который представил наиболее строгую теорию для этих стремлений, который нашел для них общие и высшие начала, начала новые, для него неким не указанные. Вот, где главная оригинальность «России и Европы» [2. – С. 512-513]. Эта установка, в которой корни славянофильства, конечно, присутствуют, но не в качестве доминирующих, ибо «она содержит в себе новый взгляд на всю историю человечества, новую теорию Всеобщей Истории» [2. – С. 513]. Обсуждаемую здесь методологическую установку Данилевского можно квалифицировать как суперславянофильскую.

Следует отметить, что суперславянофильская установка не единственная в научном творчестве Данилевского. Второй можно назвать естественнонаучную установку автора или установку естествоиспытателя XIX в., идущую, например от Кювье. «Новый взгляд Данилевского есть взгляд естественный, не задающийся заранее принятой мыслью, а определяющий формы и отношения предметов на основании опыта, наблюде-

ния, внимательного всматривания в их природу. Переворот, который «Россия и Европа» стремится внести в науку истории, подобен внесению естественной системы в науки, где господствовала система искусственная.

Исследователь тут руководится некоторым смирением перед предметами. Ученые теоретики, особенно немцы, часто ломают по-своему природу, подгоняют ее под известные идеи, готовы видеть неправильность и уродство во всем, что несогласно с их разумом; но истинный натуралист отказывается от слепой веры в свой разум, ищет откровений и указаний не в собственных мыслях, а в предметах. Тут есть вера в то, что мир и его явления гораздо глубже, богаче содержанием, обильнее смыслом, чем бедные и сухие построения нашего ума» [2. – С. 513].

Далее стоит выделить оптимистическую историческую методологическую установку взглядов Данилевского, которую в творчестве Данилевского Н. Страхов характеризует следующим образом. «Почему это мы за Европу боимся, а за Россию у нас нет ни малейшего страха? Когда Данилевский говорил о грядущей борьбе между двумя типами, то он именно разумел, что Европа пойдет нашествием еще более грозным и единодушным. Возьмите дело с этой стороны. Перед взорами Данилевского в будущем миллионы европейцев с их удивительными ружьями и пушками двигались на равнины Славянства; давнишний *Drang nach Osten* действовал, наконец, с полной силою и заливал эти равнины огнем и кровью. Он видел в будущем, что его любезным славянам предстоят такие испытания, такие погромы, перед которыми ничто Бородинская битва и Севастопольский погром. И он взывал к мужеству, к единодушию, к твердой вере в себя, и он надеялся, что если мы будем так же уметь жертвовать собою, как жертвовали до сих пор, то мы выдержим и отразим этот напор Европы, что мы отстоим себя, а если отстоим, то, значит, и зацветем новой жизнью... Вера в свою землю, надежда на нее – ведь это чувства, без которых жить нельзя; нельзя называть себя русским, нельзя сознавать свою особенность среди людей иного племени и не верить, что эта особенность имеет свое высшее оправдание, что наша история («такая, какую нам Бог дал», по выражению Пушкина) ведет к некоторой великой цели» [2. – С. 532, 530].

Тем самым на примере работы «Россия и Европа» были эксплицированы конкретные черты концептуальной методологии: конструктивный и прогностический принципы, герменевтический принцип, принцип национальной толерантности, систематический принцип; методологические установки – суперславянофильская, оптимистическая, историческая, целевая установки. По своему характеру они различны, что видно из специфики анализируемого предложенного материала, но являются необходимым условием научного анализа и выражают «авторское лицо» исследователя.

Указанные принципы и установки составляют сущность концептуальной методологии, которая имеет большую теоретическую общность как форма систематизации методологического мышления.

Формы систематизации методологического мышления, а в данном случае это концептуальная методология, задают целостность виденья объекта и возможность нам в многообразии его характеристик, и назвать основное, существенное, т.е. свести многообразие явления к единому. В нашем случае это концепция культурно-исторического типа.

Подлинное понимание гносеологической природы концептуализации мышления как формы духовного опыта, его конструктивной роли в познании и методологической функции начинается тогда, когда сознанию открывается онтологическая основа целостности и единства концептуального виденья – материального единства мира. Если взглянуть на проблему шире, то здесь же скрыта и сущность целостного научного мировоззрения: многообразие связанных между собой концепций, сложная иерархическая природа этой связи есть не что иное, как отражение целостности познаваемого мира.

Литература

1. Динамика социального знания и практика / под ред. канд. филос. наук М.Н. Завьяловой, докт. филос. наук А.К. Сухотиной. – Томск, 1989.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский – М., 1991.

Literature

1. The dynamic of the social knowledge and practice / Under the edition of cand. philos. science M.N. Zaviyalova, doct. philos. science A.K. Sukhotina. – Tomsk, 1989.
2. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe. / N.Ya. Danilevsky – Moscow, 1991.

Макарова Маргарита Павловна – аспирант кафедры философии, права и социально-политических дисциплин Кемеровского государственного университета культуры и искусств.